

маго блуднаго сына,—отвергаетъ и изгоняетъ сына мятежнаго. Остается устранить здѣсь одно философское затрудненіе, что-бы мысль Апостола стала выше всѣхъ недоразумѣній: нѣтъ ли здѣсь противорѣчія между направлениемъ собственной благодати въ Богѣ и возбужденіемъ въ Немъ со стороны нераскаянныхъ гнѣва или правосудія карающаго ихъ,—въ одно и тоже время? Но предполагается ли тѣмъ борьба въ Богѣ между двумя противоположными настроеніями. Ни мало. Та же существенная въ Богѣ благодать и любовь Его, стремящаяся объять и грѣшнаго и потому ведущая его къ покаянію,—при его нераскаянности и противленіи ей становится ревностію, поядающею какъ огнемъ—своего противника,—та же святѣйшая любовь воочію не терпящая грѣха и желающая исправленія грѣшника, отвращается его, какъ нераскаяннаго противника,—отвергаетъ рѣшительно предавашагося грѣху. *День гнѣва*. Гнѣвъ т. е. Правосудіе Божіе, осуждающее и наказывающее нераскаянныхъ, или судъ Божій на грѣшныхъ, какъ видно изъ синонима: *откровенія праведнаго суда Божія*. *День гнѣва* т. е. день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ Иисусъ Христомъ, какъ сказано въ 16 ст., день пришествія Судіи міра—Иисуса Христа,—день, въ который гнѣвъ Божій, тяготящій на грѣшниковъ еще болѣе или менѣе тайно,—раскроется такъ, какъ свѣтъ днемъ, какъ видно изъ этого же присовокупленія: *день откровенія праведнаго суда Божія*, или въ который вся тайная и сокровенная во мракѣ освѣтится судомъ Божіимъ, какъ предметы міра земнаго—освѣщаются свѣтомъ дневнымъ, какъ можно видѣть изъ сличенія этого мѣста съ подоб. 1 Кор. IV, 5.—Посему сей день суда называется въ писаніи *днемъ*—попревосходству,—днемъ все выводящимъ на свѣтъ 1 Сол. V, 4. И какъ солнце, въ сей великій день, обличитъ все нравственно-тайное въ человѣкахъ, которое есть Иисусъ Христосъ, то и день этотъ обыкновенно называется *днемъ Христовымъ* Филипп. I, 10. 6. По отношенію къ истинновѣрующимъ въ Иисуса Христа, какъ сынамъ свѣта, наслѣдникамъ царства Божія и сонаслѣдникамъ Христовымъ,—какъ называетъ ихъ Апостоль, это—день, въ который да всѣ грядущіе вѣка явится предѣльное богатство щедротъ и славы Божіей (Еф. II, 7), а для тѣхъ, которые противленіемъ Господу собираютъ на себя судъ и

гнѣвъ Божій,—тотъ же день будетъ *днемъ гнѣва* (2 Сол. 1, в. 7. 10). Послѣ полного раскрытія понятія о семь днѣ, ве имѣютъ мѣста недоразумѣнія, если во иныхъ и именно указанныхъ мѣстахъ писанія этотъ день представляется иначе, нежели какъ здѣсь, а вмѣстѣ яснѣе становится и самое это выраженіе *день гнѣва*, когда взять во вниманіе отношеніе сей черты для второго пришествія Христова къ другимъ свойствамъ онаго.

Теперь такъ можно изложить этотъ стихъ въ связи съ предъидущими:

„Когда ты при сознаніи, что гнѣвъ Божій справедливо тяготѣетъ на грѣшникахъ, только другихъ представляешь подлежащими ему за свои грѣхи, а о себѣ не заботишься и спокойно дѣлаешь тѣже грѣхи,—это значитъ упорствовать въ противленіи благодати Божіей,—рѣшительно не хотѣть раскаяться, и слѣдовательно самому оставаться и утверждаться въ состояніи отчужденія, прямо и неминуемо воздвигать и собирать на себя гнѣвъ Божій. И наступитъ наконецъ тотъ день, когда гнѣвъ Божій, тайно собираемый тобою, и болѣе или менѣе тайно тяготѣющій теперь на тебѣ, откроется также, какъ днемъ свѣтъ; тогда всѣ тайные и явные твои грѣхи помянутся и принесутъ тебѣ свои плоды—достойное наказаніе по приговору Христову“. И такъ Апостоль, относительно преступности и виновности язычниковъ, дошелъ до такого вида грѣха, что отъ него видѣлъ самый прямой и открытый переходъ къ неизбѣжному суду Божію на грѣшниковъ, и въ то же время у Іудея не только отнялъ всякое основаніе признавать осужденными грѣшниками однихъ развратныхъ язычниковъ, но и ихъ самихъ уже поставилъ въ безотвѣтность предъ судомъ Божиимъ, коль скоро они превозносятся предъ язычниками и осуждаютъ ихъ.

Открывъ въ самомъ грѣшникѣ, кто бы онъ ни былъ, поразительное доказательство непреложности суда Божія на него, Апостоль опредѣляетъ и уясняетъ самый судъ. И, во первыхъ, показываетъ сущность и внутренній составъ сего суда—воздаяніе всѣмъ должнаго по дѣламъ,—праведнымъ жизнь вѣчную и спасеніе, пераскаяннымъ грѣшникамъ—неминуемую гибель, будутъ-ли то Іудеи или язычники (6—10). во вторыхъ—основаніе этого суда—нелицепріятіе Судіи, по которому приговоръ Іудею и язычнику будетъ условивать-

ся только нравственнымъ достоинствомъ того и другого, опредѣляемымъ по началамъ правды, какая открыта тому и другому (11—16).

Составъ суда раскрывается рѣчью, требующею развѣ не многихъ частныхъ замѣчаній. *Овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго—каждъ ѿπονοῦν ἕρῳυ ἀρεθῶν*: пребываніе въ дѣлѣ благомъ есть вообще дѣятельная покорность истинѣ и добродѣтели съ избѣжаніемъ неправды, какъ видно изъ противоположнаго симъ словамъ такого выраженія: *протизляются истинѣ, повинуются же неправдѣ*,—или вообще постоянное—*ѿπονοῦν*—стремленіе къ нравственному совершенству. и вмѣстѣ большее и большее достиженіе онаго.

Славы и чести и нетлѣнія ищущимъ: которые т. е. въ усвоеніи духовныхъ совершенствъ полагаютъ все блистательное, все вождельнное, всякое благо—какъ Св. Златоустъ изъясняетъ эти понятія: слава, честь, нетлѣніе. Если частіе опредѣлять значеніе cadaго изъ этихъ понятій, то слава, по употребленію этого слова о доблестныхъ дѣлахъ, есть величіе и доблесть, сіяющая изъ самого общепризнаваемого достоинства того дѣла, которое озаряется славою. *Честь* воздается предъ другими. *Нетлѣніе*—*ἀφθαρσία*—черта жизни будущей. Посему искать славы *по терпѣнію дѣла благаго*—значитъ дѣятельно домогаться того, что-бы въ усвоеніи самого духовнаго совершенства и добродѣтели—получить истинное величіе и доблесть, или точнѣе выразиться, по самому существу духовнаго совершенства какъ уподобленія Самому Всесовершенному Богу,—значитъ видѣть въ духовномъ нравственномъ усовершеніи и поставлять для себя цѣлью всѣхъ нравственныхъ успѣховъ озареніе славою Божіею. Искать чести въ добродѣтели—значитъ признавать то почтеніе предъ другими вождельнымъ и имѣющимъ важное и высокое значеніе,—которое собственно обращено не къ миру почитаемаго, а къ добродѣтели и совершенству,—и къ миру почитаемаго обращено развѣ столько, сколько онъ въ своемъ мирѣ—осуществить это совершенство и добродѣтель: таково стремленіе праведнаго къ тому, что-бы напр. Иисусъ Христосъ исповѣдывалъ или призналъ его вѣрнымъ рабомъ Своимъ предъ Ангелами, что бы Отець небесный почтилъ, давъ ему значеніе и мѣсто въ царствіи Своемъ. Искать нетлѣнія чрезъ постоянство въ благомъ дѣ-

лѣ—значитъ искать вообще вѣчной жизни блаженства, спасенія въ духовномъ совершенствѣ, мимо всякаго иного истиннаго блага, радостей и счастья.

Жизнь вѣчную, т. е. и славу, и честь, и нетлѣніе, спасеніе и блаженство.

Изъ противоположенія сказанному,—объясняется и послѣдующее: *а иже по рвенію*—*ἐξ ἐριθείας*—со сварливостію, съ враждебнымъ упорствомъ противляются истинѣ, повинуются же неправдѣ—т. е. каковы избраженные выше язычники и ниже Іудей,—ярость и гнѣвъ, или скорбь, или тѣснота, какъ ниже, и вообще казнь и гибель.

Въ слѣдующихъ двухъ стихахъ Апостоль повторяетъ тоже, что сказано въ предъидущихъ двухъ,—ковечно для усиленія своей мысли, и развѣ съ тѣмъ особеннымъ отгѣнкомъ сей мысли въ двухъ послѣдующихъ стихахъ, что видѣть можно указаніе не только на имѣющую открыться на судѣ казнь грѣшныхъ, и славу и блаженство праведныхъ, но и начатки и залогои того и другого и въ сей еще жизни: ибо сказано вообще: *слава и честь и миръ дѣлающему благое,— скорбь и тѣснота дѣлающему злое*. Этоже показываютъ самыя понятія—*миръ,—скорбь—и бѣды* идущія и къ внутренно-ощущаемымъ въ сей жизни миру праведника и тоскливости нечестивца—и къ случающемуся пораженію послѣдняго внѣшними бѣдствіями.

Іудею же прежде и Эллину: изъ сего видно, что Апостоль воздаяніе на страшномъ судѣ разсматриваетъ относительно еще не приступавшихъ ко Христу Іудеевъ и Эллиновъ.—тоже яснѣе видно изъ 12 ст. Потому можетъ представиться, что Апостоль и въ вѣры во Христа видитъ возможность стремиться къ духовному совершенству, получить еще въ сей жизни миръ и наконецъ удостоиться вѣчной жизни. Такъ и представляется мнимымъ раціоналистамъ. Но Апостоль здѣсь даетъ общее, доступное Іудею и Эллину понятіе о судѣ Божіемъ, о томъ, что праведные на немъ должны быть оправданы, а грѣшныя осуждены,—не касаясь вопроса, могутъ ли Іудей и Эллины исполнить правду и успѣть въ духовномъ совершенствѣ сами по себѣ и какъ можно ее исполнить,—ибо за сей вопросъ онъ борется и рѣшаетъ оный яснѣе (VII и VIII). И при томъ на основаніи общаго понятія о судѣ, здѣсь представленнаго, явственно видно

то, что ни Іудей, ни язычникъ—на немъ не устоятъ предъ Богомъ: такъ какъ тотъ и другой—одинъ непосредственно прежде сего, другой—послѣ, обличаются Апостоломъ въ преступности и повинности предъ Богомъ. Для сего самаго, какъ видно по ходу рѣчи, и далъ Апостолъ здѣсь общее понятіе о судѣ. Впрочемъ само собою разумѣется, что Іудею и язычнику.—сколько они ревновали бы и успѣли бы въ духовномъ совершенствѣ съ тѣми средствами, какія были у того и другого до Христа,—вмѣнятся имъ то на судѣ Христовомъ или къ облегченію участи однихъ, или къ допущенію другихъ въ участіи въ самой благодати Христовой.

Іудею прежде: потому что онъ, какъ находившійся въ церкви руководимой Богомъ находился и въ большей и скорѣе грозящей отвѣтственности предъ судомъ Божиимъ, чѣмъ язычникъ отчужденный отъ церкви: ибо *ему же дано много, много и взыщется отъ него.* И при вѣрности своей Богу, успѣшнѣе сего могъ идти по пути совершенства, ближе стать къ благодати Христовой, ему побѣжденной или даже явиться и законнымъ ея наслѣдникомъ, каковы всѣ Ветхозавѣтные праведники; также какъ и при невѣрности Богу тѣмъ неизвинительнѣе становится самаго язычника. Определенія суда въ отношеніи къ Іудею существенно тѣже, каковы и въ отношеніи къ язычнику; но по этимъ же самымъ одинаковымъ для того и другого определеніямъ—съ Іудея, которому дано болѣе, нежели язычнику, болѣе и скорѣе имѣетъ быть и взысканія судебного; это и выражено словомъ: *прежде* т. е. Іудей между подданными какъ бы ближе стоитъ къ Судии и домовладыкѣ, какъ первый его рабъ въ дому его.

И Эллину: потому что онъ не чуждъ же вовсе свѣта духовнаго (см. ст. 14), и при вѣрности этому руководящему свѣту могъ успѣвать въ нѣкоторыхъ степеняхъ добродѣтели и такимъ образомъ естественно ближе подойти ко Христу. Который и есть свѣтъ просвѣщающій всякаго человѣка, и удостоится отъ Него какой-либо пощады и дара; а при невѣрности этому свѣту справедливо долженъ быть отвергнутъ отъ всякаго участія въ милости и славѣ Христовой и преданъ въ жертву гнѣва и ярости. Впрочемъ выраженныя здѣсь понятія о судѣ, какъ общія, имѣютъ силу и относительно вѣрующихъ, какъ изъ Іудеевъ, такъ и изъ язычни-

ковъ (какъ тоже самое сказано о семъ судѣ прямо Христіанамъ (Рим. IV, 10—12).

Судьбы рода человѣческаго по явленіи Христіанства показываютъ, что дѣйствительно упорные Іудеи прежде такихъ же изъ язычества и поразительнѣ ихъ испытываютъ на себѣ отверженіе Божіе—скорбь и тѣсноту, также какъ благопокорные изъ Іудеевъ прежде такихъ изъ язычниковъ вошли въ участіе мира и нетлѣнія открытыхъ во Христвѣ. Вотъ начинательныя предъявленія и частныя опыты суда Божія, имѣющіе открыться совершенно уже по кончинѣ сего міра. Въ дальнѣйшей рѣчи Апостола, гдѣ онъ представляетъ самыя основанія послѣдняго суда (11—16), требуютъ особеннаго проясненія, какъ общій ходъ рѣчи Апостола, который самъ по себѣ можетъ показаться довольно запутаннымъ, такъ и нѣкоторыя отдѣльно взятыя выраженія или мысли, или сами по себѣ многозначительныя, или представляющія затрудненія. Ходъ рѣчи потому и кажется не довольно прямымъ и правильнымъ, что рѣчь идетъ не искусственнымъ, или придуманнымъ порядкомъ, а какъ рождались однѣ за другими мысли.

Апостоль сначала прямо даетъ понятія о нелицепріятнѣ Бога,—въ доказательство выше сказанной мысли о безразличіи Іудея и Эллина на судѣ (ст. 11). Мысль, ясная, содержащая истину саму по себѣ твердую! Далѣе показываетъ, въ чемъ же именно откроется это нелицепріятіе на самомъ судѣ (ст. 12), т. е. виноватый и въ подзаконномъ состояніи и внѣ закона — будетъ одинаково осужденъ. И притомъ въ подзаконномъ состояніи онъ будетъ осужденъ по самому *закону*, а внѣ закона по обязанностямъ — именно сего неподзаконнаго состоянія.

Послѣдняя мысль Апостола объ уравниеніи по отвѣтственности на судѣ, Іудея и Эллина, и сама по себѣ еще не вполне имъ раскрыта, и въ особенности съ трудомъ могла быть понята въ то время, при существовавшемъ раздѣленіи между Іудеями и язычниками. Потому Апостоль прерываетъ прямой ходъ рѣчи отступленіемъ. Въ объясненіе того, какъ Іудеи и язычникъ уравниются на судѣ, онъ указываетъ, на что въ судимыхъ будетъ обращено вниманіе нелицепріятнаго Судіи: ст. 13, т. е. Богъ, какъ нелицепріятный Судія, имѣеть смотрѣть не на то въ подсудимыхъ, находятся или

не находятся они въ состояніи подзаконномъ, а на то, исполняютъ ли они законъ: того Онъ оправдаетъ, кто исполнилъ, а не кто только принялъ законъ. При этомъ естественно оставалось мѣсто вопросу: какже язычнику можно знать и исполнить законъ, не бывши подъ закономъ? И въ предупрежденіе сего вопроса Апостоль продолжаетъ вводную рѣчь: ст. 14 и 15-й, т. е. у язычника есть законъ естественный, который онъ и можетъ исполнять, и иногда исполняетъ, не имѣя писаннаго. Послѣ сего Апостоль снова возвращается къ прерванной рѣчи объ осужденіи всѣхъ грѣшниковъ на послѣднемъ судѣ и доказываетъ ее: ст. 16, т. е. на этомъ судѣ Всемирнаго Судіи Иисуса Христа все будетъ выведено на свѣтъ, что долженъ бы и могъ бы сдѣлать Іудей по писанному закону, и язычникъ по естественному, и чего однако не сдѣлалъ по собственной винѣ; скольни сокровенно сіе во глубинѣ духа людей, закрыто ихъ притворствомъ, покрыто забвеніемъ, запутано обстоятельствами и отношеніями и проч. И грѣшникъ не утаится ни подъ какою личиною, ни оправдается ни какими предлогами.

Теперь ходъ рѣчи или ходъ мыслей въ ней понятенъ вообще. Особенности въ выраженіи или въ мысляхъ, требующія проясненія сами по себѣ—слѣдующія: Понятіе *закона*—слова столь часто повтореннаго въ семъ мѣстѣ. Подъ *закономъ* собственно и первоначально у Апостола здѣсь разумѣется законъ откровенный или заключающійся въ Св. Ветхозавѣтныхъ книгахъ, главнымъ образомъ въ пятокнижии, какъ прямо законодательныхъ книгахъ, но не исключая и прочихъ Ветхозавѣтныхъ книгъ, содержаніе которыхъ въ существѣ своемъ есть продолженіе, дополненіе, проясненіе пятокнижия. Почему III. 19 имя *закона* приписано вообще книгамъ Ветхозавѣтнымъ безъ различія однихъ отъ другихъ. Слнчи ст. 10—18. И въ понятіе закона въ нашемъ мѣстѣ входятъ св. книги, поколику содержатъ ученіе объ обязанностяхъ—Боговѣднія и всего Богопочтенія или вообще къ Богу, ближнимъ и самому себѣ: ибо по сему закону будутъ судимы подзаконные въ своихъ грѣхахъ: такъ повторимъ, первоначально собственно разумѣетъ Апостоль подъ *закономъ*, въ указанномъ смыслѣ, законъ откровенный или изложенный въ Ветхозавѣтныхъ Св. книгахъ и уже переносно, по аналогіи отъ сего закона къ тому, что и по при-

родъ дѣлаетъ язычникъ,—сіе имя усвоено Апостоломъ и естественному закону. Это ясно изъ самой рѣчи Апостола. Въ ст. 12 видимъ, подъ закономъ разумѣется законъ писанный, ибо *безъ закона—ἀνευ νόμου*—естественно никто не можетъ не только грѣшить, но и быть. Тоже и въ 13: слышатели закона,—конечно откровеннаго закона, и въ 14: *языцы немуще закона*—само по себѣ понятно какого. И когда въ семь стихѣ Апостоль говоритъ, что языцы, не имѣя закона, творять однако законное, то здѣсь подъ названіемъ *законнаго—τῷ τοῦ νόμου*—судя по ясному изъ преыдущаго понятію Апостола о законѣ, какъ о писанномъ законѣ,—очевидно означаетъ ни болѣе какъ *сообразное съ писаннымъ закономъ*, или опредѣленное въ семь законѣ: ибо послѣ неоднократнаго употребленія выше слова *законъ* въ смыслѣ закона откровеннаго, нельзя и здѣсь усвоить этому слову другого значенія, когда Апостоль употребилъ его ни сколько не отличая отъ прежняго употребленія. Тоже и потому же должно сказать и о послѣдующихъ выраженіяхъ: *сами себѣ суть законъ*,—*дѣло законное написанное въ сердцахъ своихъ*.—которыя и сами по себѣ показываютъ, что въ нихъ слово *законъ* употреблено не въ буквальномъ смыслѣ т. е. какъ отвлеченное понятіе естественнаго нравственнаго закона, а переносно т. е. сколько въ природѣ есть сообразнаго съ писаннымъ закономъ. Тоже въ 25 и 26 ст. Такимъ образомъ открывається, что Апостоль конечно для Іудеевъ (ибо здѣсь, говоря о писанномъ законѣ, онъ очевидно имѣеть въ виду главнымъ образомъ Іудеевъ) какъ бы отыскивалъ законъ естественный, заключая къ нему отъ писаннаго закона. Это изъясняется тѣмъ, что Іудеи, уже не понимавшіе духа писаннаго закона, и значить заботившіеся о соответствіи своей дѣятельности только буквѣ его, о ввѣшнемъ исполненіи его,—ослабили или утратили въ себѣ сознаніе и чувство самаго естественнаго нравственнаго закона. Не трудно понять, что, когда подъ закономъ разумѣется законъ Богоданный и писанный,—то разумѣется преимущественно излагаемый въ Моисеевомъ Пятокнижжіи, какъ въ книгахъ собственно законодательныхъ.
